

ШЕИНОВ Артем Алексеевич,
Институт права и национальной безопасности РАНХиГС
магистратура, направление «Международное право, европейское право,
международная юридическая практика»,
e-mail: sheinov.a@mail.ru

Научный руководитель:
СИМОНИШВИЛИ Лия Робертовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека
отделения ВШП Юридического факультета им. М.М. Сперанского
ИПиНБ РАНХиГС,
e-mail: simonishvili-lr@ranepa.ru

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОГО И ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

АННОТАЦИЯ. В современной юридической науке вопросы пространственного действия норм права приобретают особую актуальность в условиях интенсификации трансграничных отношений и изменяющегося миропорядка. Традиционное представление о строгой территориальной привязанности правовой системы сталкивается с растущим числом случаев, когда право применяется за пределами государственной границы. Понятие экстерриториальности исторически сложилось как исключение из принципа территориального верховенства государства, позволяющее выводить определенные объекты или субъекты из-под действия местного права. В свою очередь, экстратерриториальность отражает способность государства распространять свое правовое регулирование на отношения, выходящие за географические границы. Но несмотря на близость терминов, их юридическое содержание существенно различается.

Актуальность выбранной темы обусловлена растущим желанием государств подчинить себе те или иные субъекты, находящиеся за пределами границ, используя при этом собственное законодательство, а также отсутствием в отечественной доктрине единого подхода к определению и соотношению экстерриториального и экстратерриториального применения права, что создает пробелы в понимании указанных механизмов.

Цель данной статьи – провести концептуальное разграничение указанных категорий, выявить их существенные признаки и правовые последствия, а также сравнить содержательные характеристики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстерриториальное применение права, экстратерриториальность, расширенная юрисдикция.

SHEINOV Artem Alekseevich,
RANEPA Institute of Law and National Security,
Master's degree in International Law, European Law,
International Legal Practice

Academic Supervisor:
SHEINOV Artem Alekseevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Human Rights, Department of Higher School of Economics,
M.M. Speransky Faculty of Law, RANEPA

TO THE QUESTION OF DISTINGUISHING THE CONSENTS OF EXTERRITORIAL AND EXTRATERRITORIAL APPLICATION OF LAW

ANNOTATION. In modern jurisprudence, the issues of spatial operation of legal rules are becoming particularly relevant in the context of the intensification of cross-border relations and changing world order. The traditional notion of strict territorial attachment of the legal system is faced with a growing number of cases where the law is applied outside of State jurisdiction. The concept of exterritoriality has historically developed as an exception to the principle of territorial supremacy of the State, allowing certain objects or

entities to be excluded from the scope of local law. In turn, extraterritoriality reflects the ability of a State to extend its legal regulation to relations that go beyond geographical boundaries. But despite the proximity of the terms, their legal content differs significantly.

The relevance of the chosen topic is determined by the growing desire of states to subordinate themselves or other entities located outside their borders through this legislation, as well as the presence in the domestic doctrine of a mandatory dependence on the definition and relationship of extraterritorial and extraterritorial application of law, which gives rise to the specified parameters.

The purpose of this article is to make a conceptual distinction between these categories, identify their essential features and legal consequences, and compare their substantive characteristics.

KEY WORDS: extraterritorial application of law, extraterritoriality, expanded jurisdiction.

Пространственное действие национального законодательства за пределы государственных границ, согласно зарубежной научной доктрине, обычно применяется в международно-правовом контексте [1, ст. 185]. Американская доктрина «эффекта», отождествляемая с вышеуказанным явлением, была выведена судьей Биллингсом Лернед Хэндом в деле *United States v. Aluminum Co. of America* по случаю нарушения антимонопольного законодательства США. Он отметил, что «любое государство может привлечь к ответственности иностранное лицо за деяние, совершенное за его пределами, но имеющее негативные последствия внутри этого государства и наказуемое в этом государстве» [2, ст. 87]. По мнению ученых, эта доктрина позволяет государствам злоупотреблять применением национальных правовых норм и поэтому подвергается резкой критике. Кроме того, использование данного механизма является нарушением принципа недискриминации и, в частности, режима наибольшего благоприятствования, если речь идет о международном экономическом праве, а также ряда императивных принципов: невмешательства во внутренние дела государства и их суверенного равенства [3].

Среди отечественных авторов указанную тему исследовали или упоминали Л. П. Ануфриева, Е. Г. Зинков, И. И. Лукашук, А. А. Самарин, Л. В. Терентьева и другие, при этом Е. В. Белякович и В. Л. Толстых в рамках исследования пространственного действия права через границы государства используют термин «экстерриториальность», или же термины «экстерриториальность» и «экстратерриториальность» вовсе сливаются воедино. В свою очередь, зарубежные авторы, например Л. Коэн-Тануги, С. Бессон, Б. Перрин, М. Камминга и другие, напротив, изучая проблематику данного вопроса, проводят дифференциацию указанных механизмов и используют именно термин «экстратерриториальность» как проявление пространственного действия права за пределы национальных границ, что, как кажется, представляется более корректным. Кроме того, как отмечено В. М. Шумиловым, «проблема экстратерриториальной юрисдикции является одной из самых острых в современном международном праве, когда внутреннее право, национальные законы сплошь и рядом обладают экстратерриториальным действием» [4, ст. 122].

Поэтому в целях надлежащего использования обозреваемых понятий необходимо выявление сущностных признаков и характеристик.

По мнению Э. Хименеса де Аречаги «действие законов большинства государств простирается за пределы территории» [5, ст. 269], а согласно общепринятому теоретико-правовому подходу действие нормативного правового акта устанавливается по трем параметрам: территории, времени и кругу лиц [6, ст. 72], однако параметр территории в привязке к экстратерриториальности вызывает большой интерес. Тенденция расширения сферы применения экстратерриториальной юрисдикции в наибольшей степени проявилась в США, которые активно продвигают свое законодательство за пределы национальных границ. Как подчеркивается в доктрине, после того как в США появилась концепция «Global Administrative Law» [7, ст. 853-865], то в других государствах, например ФРГ, так же появились теории «замены» права «сетевыми отношениями», ведущие к ослаблению идеи правового суверенитета [8, ст. 36]. В этой связи стоит упомянуть позицию Никколо Макиавелли, считавший, что именно территория служит основным элементом правового суверенитета государства.

В зарубежной правовой литературе обычно разграничивают понятия экстерриториальности и экстратерриториальности права, сходство которых заключается в ограничении действия правовых норм на территории принимающего государства в отношении определенных субъектов. По мнению Е. В. Белякович, «в широком смысле экстерриториальность понимается как действие правовых норм за пределами территории принявшего их государства и отождествляется с экстратерриториальностью» [9, ст. 93-96]. И. И. Лукашук, напротив, проводит дифференциацию и утверждает, что «экстратерриториальное» означает выходящее за пределы государственной территории, а «экстерриториальное» – находящееся вне территории» [10, ст. 253], однако углубленного анализа механизмов не приводит.

Определение экстерриториальности дано в Толковом словаре государственного языка Российской Федерации (12, ст. 455): «Экстерриториальность – особые преимущества (неприкосновенность личности и жилища, неподсудность местным уголовным и гражданским судам, освобождение от повинностей и нало-

гов), взаимно предоставляемые государствами иностранным дипломатическим представителям». Исторически эта норма могла вводиться и в одностороннем порядке, распространяясь не только на дипломатов, но и на всех граждан государства-получателя привилегии, фактически выводя их из-под местной юрисдикции. В современном международном праве экстерриториальность существует главным образом в форме дипломатических и консульских иммунитетов, согласно Венским конвенциям о дипломатических и консульских сношениях 1961 и 1963 года соответственно (исключения составляют только военные корабли и самолеты, которые законно находятся на иностранной земле) [12, 13]. В свою очередь, экстратерриториальностью является «распространение юрисдикции за пределы государственной территории» [4, ст. 122]. При этом, как уже было ранее подчеркнуто, отечественные авторы также используют термин «экстерриториальность». Так, В. Л. Толстых использует эти понятия как взаимозаменяемые при описании расширения юрисдикции [14, ст. 347], однако представляется целесообразным их разграничение. В зарубежной доктрине «экстерриториальность» относится к дипломатическим иммунитетам, а «экстратерриториальность» обозначает признание и применение национального законодательства за рубежом, что можно рассматривать как расширение государственной юрисдикции или «установление международного сервитута путем постановки национального принципа над территориальным принципом» [15, ст. 20-25]. Кроме того, этимологически приставка extra- («сверх») точнее передает смысл распространения власти за территориальные границы, в то время как ex- («из», «вне») лучше отражает суть изъятия из местной юрисдикции [16]. Поэтому для обозначения расширения национального правового поля корректнее использовать термин «экстратерриториальность».

Некоторыми отечественными учеными также предложено разграничение понятий. Например, Е. Г. Зинков предлагает дифференциацию терминов, согласно которой:

1. «экстерриториальность» отражает позицию государства, распространяющей за пределы границ применение собственной юрисдикции;

2. «экстратерриториальность», в свою очередь, отражает позицию принимающего государства, которое добровольно включает иностранные правовые нормы в свою правовую систему, создавая тем самым единое правовое поле, объединяющее нормы как принимающей страны, так и проникающего иностранного права [15, ст. 20-25].

Л. П. Ануфриева, оперируя понятием «экстратерриториальность», акцентирует внимание не на самом факте экстратерриториального действия иностранного права, а на его признании конкретным государством либо на призна-

нии юридических последствий такого действия в пределах национальной территории [17, ст. 29-30]. Схожий подход демонстрируется в работе В. М. Баранова, А. А. Самарина и А. И. Овчинникова, где авторы отмечают: экстратерриториальный статус отдельных законов возникает не в результате их законодательного закрепления в стране происхождения, а вследствие признания таковыми со стороны иностранных государств [18, ст. 19-31]. Необходимо подчеркнуть, что предложенное авторами понимание экстратерриториальной юрисдикции, предполагающее добровольное признание принимающим государством иностранных правовых норм и создание единого правового поля, исходит из принципа взаимного согласия. Однако на практике расширение национальной юрисдикции за пределы государственных границ часто происходит без согласия затрагиваемых государств. Л. П. Ануфриева в своем анализе концепции экстратерриториальности учитывает оба сценария – как добровольное принятие иностранного права, так и его навязывание. При этом исследовательница критикует теоретические обоснования экстратерриториальности, указывая на их противоречие фундаментальному принципу суверенного равенства государств [17, ст. 29-30]. Указывает на противоречия экстратерриториальности международному праву и мнение Чили, Перу, Бразилии, Барбадоса и других государств 2 ноября 2023 года на 26 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, в котором их представители подтвердили свою приверженность не только принципу суверенного равенства государств, но и поддержке целей, закрепленных в Уставе ООН, включая принципы невмешательства в их внутренние дела и свободы международной торговли и судоходства [19].

Примечательно, что исследователи рассматривают экстратерриториальность как парадоксальное явление: одновременно и как проявление государственного суверенитета, и как фактор его ограничения [20, ст. 175-178]. Однако данная позиция вызывает дискуссии, поскольку классическая теория суверенитета предполагает его абсолютный и неделимый характер, исключающий возможность добровольного ограничения или «дробления».

В зарубежной правовой науке выделяют два вида осуществления экстратерриториальной исполнительной юрисдикции:

- с точки зрения легитимных форм – осуществляемые с согласия принимающего государства (например, по официальному приглашению или соглашению);

- и с точки зрения противоправных форм – принудительные действия на иностранной территории без получения соответствующего разрешения [21, ст. 875]. Западные исследователи признают правомерность экстратерриториального применения национальных законов только

в тех случаях, когда это соответствует нормам международного права и не создает обоснованных или необоснованных ограничений суверенных прав других государств [20, ст 175-178]. Вопрос о правомерности экстратерриториального применения закона сводится к определению критериев обоснованности, необходимости и достаточности, которые позволяют установить, подпадает ли иностранное физическое или юридическое лицо под юрисдикцию государства, принявшего данный закон. По мнению Л. Коэн-Тануги, «по-настоящему дискуссионный вопрос касается степени требуемых связей с государством для того, чтобы это государство могло законно осуществлять юрисдикцию, в частности степень или режим «присутствия», требуемый от ответчика, или степень, в которой правонарушение имело место на территории регулирующего государства» [22, ст. 3]. Чем слабее выражены эти связи, тем менее оправдано применение экстратерриториальности.

Л. В. Терентьева, как кажется, верно указывает на некорректность описания и рассмотрения мер по использованию собственных правовых норм по отношению к другому государству как с его санкции, так и без, под эгидой одного термина, ведь если принимающее государство санкционировало те или иные действия на своей территории, то подобное обстоятельство необходимо рассматривать как отсутствие экстратерриториальности ввиду согласия государства и проявления суверенной воли, что придает подобным действиям уже территориальный статус. Следовательно, основной составляющей экстратерриториальности, как уже отмечалось, является именно непризнание и несогласие на

действие иностранных правовых норм на территории принимающего государства. Но несмотря на позицию многих авторов, рассматривающих экстратерриториальное применение права в качестве проявления противоречия международному праву и, следовательно, заявляющих о неправомерности его применения, С. А. Бабкин отмечает: «как бы мы ни относились к концепциям расширенной юрисдикции, на сегодня они – часть правовой системы России, как и многих других государств мира» [23, ст. 967].

Таким образом, механизм экстратерриториального применения национального законодательства интересен не только в связи с научным интересом, но и в связи с его активным применением государствами. Соединенные Штаты, а затем и другие западные государства, став фактически родоначальниками экстратерриториального действия права в современном проявлении, посредством судебной практики, а также принятием законодательных актов, внедряли в свою правовую систему данный механизм, являющийся одной из наиболее острых проблем в современном международном праве. При этом именно термин «экстратерриториальный» является верным с точки зрения применения национального правового регулирования за пределы собственных границ, в то время как «экстерриториальность» относится к консульским и дипломатическим иммунитетам. Более того, ключевым признаком экстратерриториальной юрисдикции является отсутствие волевой составляющей принимающего государства и, следовательно, указанный механизм ни при каких условиях не может являться правомерным с точки зрения международного права.

Список литературы:

- [1] Gerber D. J. *Beyond Balancing: International Law Restraints on the Reach of National Laws* // *Yale Journal of International Law*. 1984. Vol. 10.
- [2] Каюмова А. Р. Эволюция пространственной сферы действия принципов уголовной юрисдикции государств: доктрина «эффекта» // *Вестник ВУиТ*. 2018. № 4.
- [3] Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. 1945. Нью-Йорк: Деп. обществ. информ. ООН. 1994.
- [4] Шумилов В. М. *Международное право*. М.: Юстиция. 2016.
- [5] Хименес де Аречага Э. *Современное международное право*. М. 1983.
- [6] Саламов А. Х., Головин А. Н. Действие нормативно правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 8.
- [7] Parrish A. *Reclaiming International Law from Extraterritoriality* // *Minnesota Law Review*. 2009. Vol. 93.
- [8] Самарин А. А. *Экстерриториальное действие права: дис.* 2016.
- [9] Белякович Е. В. *Пространственное действие правовых норм*. Иркутск. 2012.
- [10] Лукашук И. И. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер. 2005.
- [11] Толковый словарь государственного языка Российской Федерации // ФГОБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023.
- [12] Венская конвенция о дипломатических сношениях. 1961. Ведомости Верховного Совета СССР. 1964.
- [13] Венская конвенция о консульских сношениях. 1963. «Действующее международное право» в 3 томах, том 1. М.: МНИМП. 1996.
- [14] Толстых В. Л. *Курс международного права*. М.: Волтерс Клувер. 2009.

- [15] Зинков Е. Г. Особенности действия правового пространства // *Общество и право*. 2012. № 3 (40).
- [16] Терентьева Л. В. Экстерриториальность в международном частном праве / *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 5 (126).
- [17] Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк. 2002.
- [18] Баранов В. М., Овчинников А. И., Самарин А. А. Экстерриториальное пространство права. М.: Проспект. 2018.
- [19] 26-е пленарное заседание ГА ООН. 2023. Электронный ресурс. URL: Первый комитет, 26-е пленарное заседание - Генеральная Ассамблея, 78-я сессия | UN Web TV (дата обращения: 04.07.2026).
- [20] Perrin B. Taking a Vacation from the Law? Extraterritorial Criminal Jurisdiction and Section 7(4.1) of the Criminal Code // *Canadian Criminal Law Review*. 2009. Vol. 13.
- [21] Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to // *Leiden Journal of International Law*. 2012. № 25.
- [22] Cohen-Tanugi L. The Extraterritorial Application of American Law: Myths and Realities // Available at SSRN 2576678. 2015.
- [23] Бабаев А. Б., Бабкин С. А., Бевзенко Р. С., Белов В. А., Тарасенко Ю. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / под общ. ред. д. ю. н. В. А. Белова. 2-е изд., стер. – М.: Юрайт. 2015.

References:

- [1] Gerber D. J. *Beyond Balancing: International Law Restraints on the Reach of National Laws* // *Yale Journal of International Law*. 1984. Vol. 10.
- [2] Kayumova A. R. Evolution of the Spatial Scope of Application of State Criminal Jurisdiction Principles: The «Effects» Doctrine // *Vestnik VUit*. 2018. No. 4.
- [3] *Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice*. 1945. New York: UN Department of Public Information. 1994.
- [4] Shumilov V. M. *International Law*. Moscow: Yustitsiya. 2016.
- [5] Jiménez de Aréchaga E. *Modern International Law*. Moscow. 1983.
- [6] Salamov A. Kh., Golovin A. N. Application of Normative Legal Acts in Time, Space, and with Respect to Persons // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008. No. 8.
- [7] Parrish A. Reclaiming International Law from Extraterritoriality // *Minnesota Law Review*. 2009. Vol. 93.
- [8] Samarina A. A. *Extraterritorial Application of Law: Dissertation*. 2016.
- [9] Belyakovich E. V. *Spatial Application of Legal Norms*. Irkutsk. 2012.
- [10] Lukashuk I. I. 3rd ed., revised and supplemented. — Moscow: Wolters Kluwer. 2005.
- [11] *Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation* // Saint Petersburg State University. — Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 2023.
- [12] Vienna Convention on Diplomatic Relations. 1961. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1964.
- [13] Vienna Convention on Consular Relations. 1963. **Current International Law** (in 3 volumes), Vol. 1. Moscow: MNIMP. 1996.
- [14] Tolstykh V. L. **Course on International Law**. Moscow: Wolters Kluwer. 2009.
- [15] Zinkov E. G. Specifics of the Operation of Legal Space // **Society and Law**. 2012. No. 3 (40).
- [16] Terentyeva L. V. Extraterritoriality in Private International Law // **Current Issues of Russian Law**. 2021. No. 5 (126).
- [17] Anufrieva L. P. **The Relationship Between Public International Law and Private International Law: Legal Categories**. Moscow: Spark. 2002.
- [18] Baranov V. M., Ovchinnikov A. I., Samarina A. A. **The Extraterritorial Space of Law**. Moscow: Prospekt. 2018.
- [19] 26th Plenary Meeting of the UN General Assembly. 2023. Electronic resource. URL: First Committee, 26th Plenary Meeting – General Assembly, 78th Session | UN Web TV (accessed: 04.07.2026).
- [20] Perrin B. Taking a Vacation from the Law? Extraterritorial Criminal Jurisdiction and Section 7(4.1) of the Criminal Code // **Canadian Criminal Law Review**. 2009. Vol. 13.
- [21] Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to // **Leiden Journal of International Law**. 2012. No. 25.
- [22] Cohen-Tanugi L. The Extraterritorial Application of American Law: Myths and Realities // Available at SSRN 2576678. 2015.
- [23] Babaev A. B., Babkin S. A., Bevzenko R. S., Belov V. A., Tarasenko Yu. A. Civil law. Current problems of theory and practice: in 2 volumes / under general. ed. D. Yu. n. V. A. Belova. 2nd ed., erased. – M.: Jurayt. 2015.